

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук Ли Ли на тему
«ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В
ШАНХАЕ (1940-е гг.)» по специальности 5.9.1.**

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В диссертационном исследовании Ли Ли анализируется литературное наследие восточных эмигрантов, творивших в Шанхае в 1940-е гг. XX века. Автор диссертации обращается как к широко признанным фигурам, так и к почти забытым, фигурам, которые вызывают растущий интерес у специалистов на протяжении последних десятилетий, но порой все-таки остаются малоизвестными для современных читателей. **Актуальность и значимость** затронутой проблематики несомненна. В научных трудах неоднократно рассматривалась культура восточной эмиграции, однако данное направление изучено далеко не исчерпывающе. Представленная работа в некоторой мере закрывает эту лакуну, обнажая интересные аспекты изучаемого материала.

Соискательница демонстрирует интегративный подход, сочетая в своем исследовании с основной – филологической – направленностью работы исторические, культурологические и философские элементы, что позволяет расширить существующие представления о творческой жизни Шанхая той эпохи.

Научная новизна работы определяется тем, что она представляет собой комплексное исследование поэтического наследия шанхайских эмигрантов 1940-х годов. Впервые в рамках исследования детально анализируется сборник «Остров» (1946) как целостный художественный организм. Кроме того, объектом научного рассмотрения становится интерпретаторская деятельность писателей русского Шанхая, обращавшихся к ключевым концепциям классической китайской философии, в первую очередь, к трактату

«Дао Дэ Цзин». Диссертантка предлагает новый подход к недостаточно изученным аспектам эмигрантской литературы, соединяя филологический анализ с философским контекстом.

Теоретическая ценность диссертационного сочинения обусловлена тем, что в нем анализируются литературные процессы, характерные для шанхайского периода русской эмиграции 1940-х годов. Этот этап рассматривается диссертанткой как единое культурное явление.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов при преподавании истории русской литературы и истории межкультурных коммуникаций, особенно в контексте русско-китайских литературных контактов. Полученные данные также могут быть использованы при подготовке изданий, посвященных творчеству восточных эмигрантов.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы полно, корректно и в соответствии с обозначенными задачами. Соискательница строит выводы, опираясь на культурно-исторический контекст, обосновывает анализ шанхайского пространства, которое в ее диссертации выступает практически как «шанхайский текст», открывает художественный синтез, свойственный творчеству многих исследуемых ею авторов, делая особенный акцент на лирических произведениях и китайских переводах М.П. Коростовец и В. Перелешина.

Данная работа, на мой взгляд, убедительно демонстрирует, что вопросы имагологии не утрачивают свою актуальность. Диссертантка описывает, как русская культура воспринимает близкое и далекое, как собственное при пересечении границ приобретает черты чужого – и в прямом, и в переносном смысле, вероятно, поэтому переводческие стратегии китайской философской классики («Дао Дэ Цзин», философия Чжуан-цзы) рассматриваются Ли Ли подробно и глубоко.

Основой теоретико-методологической базы исследования, как указывает Ли Ли, являются труды О.М. Бакич, Ван Чжичэна и Ли Янлена,

Цзан Юньмэй и О. Богдановой и нек. др. – надо отметить, что работы китайских ученых добросовестно описаны и представлены читателю.

Исследование Ли Ли строго структурировано согласно разворачиванию сюжета, лежащего в основе его научной концепции. Каждая глава посвящена различным аспектам рождения и существования «шанхайского мира» и продолжению его существования после 1940-х гг. в творчестве М. Коростовец и В. Перелешина. Главы завершаются убедительными выводами, общее заключение соответствует логике проведенного исследования.

Можно перечислить основные результаты, полученные соискателем лично в аспекте **их научной новизны и методологической значимости.**

В **первой главе** рассматриваются обстоятельства возникновения русской диаспоры в Шанхае, формирование литературного сообщества, особенности литературной жизни русской эмиграции в условиях японской оккупации и послевоенных лет. Самая интересная литературоведческая часть главы – Шанхай как «серый город» в русской поэзии 1940-х гг. Шанхай – богатый и многоликий мегаполис, как отмечает Ли Ли, должен был бы предстать в стихах в ярком оперенье. Тем не менее выясняется, что одним из наиболее повторяющихся мотивов в текстах совершенно разных авторов, так или иначе связанных с этим городом, становится «серый». Об этом пишут В. Перелешин, Н. Щеголев, О. Скопиченко, Н. Петерец, Л. Хаиндрова и др. Замкнутое пространство военного города, финансовые проблемы и беспокойство о своей идентичности напрямую отражались в произведениях русских поэтов, подчеркивает диссертантка.

Обращаясь к интертекстуальным связям в творчестве поэтов русского Шанхая в 1940-е гг. (**вторая глава работы**), Ли Ли указывает на пушкинские, чеховские, тургеневские и тютчевские традиции, а также на отсылки лирики «восточников» к акмеизму. Можно отметить, что в стихотворении Ю. Крузенштерн-Петерец «Тургенев» отчетливы переключки с Фетом и Пастернаком, их любимыми мотивами музыки, сливающимися часто с тематикой встреч, разлук, сада, рыданий.

Например, в стихотворении А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» звучит весь комплекс, использованный шанхайской поэтессой:

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой...

... жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Несколько рваный ритм относительно-условной «лесенки» Крузенштерн-Петерц

И забвенье...
И холод...
И мука томления
Над роялем...
Но музыка вальса немецкого
Вдруг промчится по саду тревогой весеннею...
Зарыдает,
окликнет,
обнимет Лаврецкого

отзывается и на пастернаковскую «Музыку», на стихотворение «Рояль дрожащий пену с губ оближет...» и в целом пастернаковские дольки (здесь привожу только близкие мотивно строки об откликающемся всесторонне на бытие рояле):

... И вот в гостиной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,

Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса...

... Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра...

... Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.

Материалом для изучения в **третьей главе** работы становится рецепция китайской культуры в литературе шанхайской эмиграции. Диссертанткой осмысливается образ Китая у «восточников», подробно анализируются этнографический и символический аспекты, а также отдельное внимание уделено рецепции китайской философской традиции (даосизму) и современной китайской литературы (Лу Синь, Ай Цин, Чжан Тянь).

В центре **четвертой главы** – поэтический сборник «Остров» (1946). Ли Ли описывает шанхайский кружок «Пятница», называя его «заметным явлением литературной жизни» города 1940-х гг., и создание «Острова» как результата работы «Пятницы». Среди поэтической тематики, представленной в сборнике, диссертантка выбирает наиболее значимые, на ее взгляд, разделы (светильник, пустыня) и отдельно выделяет образ Достоевского, рассуждая о проблеме рецепции писателя в русском Шанхае. Добавлю, что при анализе мотива пустыни можно было бы рассмотреть, кроме того, гумилевскую трактовку «хищных стай песков» из «Сахары», и живописную картину пустыни, созданную Богом:

Живописец небесный осенней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстиляет лиловые тени.

Эта тема была подхвачена поэтом и новеллистом П. Булыгиным, вдохновленным Абиссинией Гумилева и прожившим там около десяти лет, в частности, в стихотворениях, опубликованных в харбинском «Рубеже» (1935-

1936) под общим заголовком «Стихи об Абиссинии»: «Попав сюда, припомнишь скоро...», «Рассветный час наступит скоро...», «В час прозрачный, час хрустальный...», «Когда догорит полоса над пустыней...» и «Жизнь все печальней и дороже...».

В связи с этим замечанием хотелось бы спросить у Ли Ли: насколько литературная традиция мотива пустыни, звучащая в стихах Пушкина, Лермонтова, уже упомянутого Гумилева и других поэтов Серебряного века, была подхвачена русскими шанхайцами? Или же, наоборот, Перелешиним, Щеголевым, Хаиндровой, Андерсен пустыня осмыслялась иначе?

Пятая и шестая главы исследования, соответственно, посвящены анализу творчества М. Коростовец и Перелешина. Они превышают по объему предыдущие части, в них подробно (иногда – даже излишне, на мой взгляд) рассмотрены «восточные» линии творчества двух поэтов, отмечено мистическое начало в лирике Коростовец, сопоставлены образы феникса и китайского фэнхуана в стихотворении об императрице Цы Си, «Пекин», созданный поэтессой, показан как отклик на «Москву» Ф. Глинки. Анализы проведены тонко, грамотно, малоизученная лирика Коростовец открывается по-новому – в контексте русской классики и китайской культуры.

Возникает вопрос к диссертантке: ориентировано ли «Перевоплощение» Коростовец, посвященное теме многократных перерождений души, на «Память» Гумилева? А «Томление духа», в котором, по словам диссертантки, выражается «вера в то, что душа, завершив свою миссию в материальном мире, в конце концов возносится» (с. 129), – на гумилевское стихотворение «Душа и тело»?

Очень интересный подход продемонстрирован Ли Ли в размышлениях о китайских работах (лирике, переводах, интерпретациях) Валерия Перелешина. Теория «недосказа» подается в рамках акмеистической направленности поэта, показывается, что «отточенность формы... служит... не исчерпывающему называнию, но точному намёку... Это сдержанная недосказанность, рождающаяся из точности, – умолчание, основанное на строгой форме» (с.

157). В шестой главе Ли Ли комментирует переводы «Дао Дэ Цзин», выполненные русскими шанхайцами, анализируя переводческие стратегии и философские интерпретации, а в последнем параграфе прослеживает, как менялся образ бабочки – от «пленной» до «бабочки во сне», рассматривая это как символ духовного движения шанхайской эмиграции. Сопоставляя бабочек Перелешина с бабочками В. Набокова – своего рода «контрфигурой» (где противопоставляются «знание через обладание» против «знания через растворение», идущее от Чжуан-цзы), диссертантка подчеркивает уникальность пути Перелешина и доказывает, что русская зарубежная литература многогранна как культурное явление.

В итоге можно отметить, что рассматриваемая диссертация – законченное исследование, в котором поставлены **обоснованные и достоверные научные положения**, и в конце которого даны **выводы и намечены дальнейшие перспективы**, что свидетельствует о **новизне результатов** и о **высоком личном вкладе** автора в понимание специфики восточной ветви русской эмиграции. Результаты работы были апробированы на научных конференциях и в многочисленных публикациях Ли Ли.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ли Ли заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Доцент,

Ведущий научный сотрудник,

Зав. сектором литературоведения

Федерального государственного бюджетного

учреждения науки Институт филологии

Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН)

Елена Юрьевна Куликова

24.09.2026

Контактные данные:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки Институт филологии

Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),

Сектор литературоведения

тел./факс: (383) 330-15-18,

<http://www.philology.nsc.ru/index.php>

e-mail: ifl@philology.nsc.ru

Подпись Е.Ю. Куликовой удостоверяю.

Начальник отдела кадров

ИФЛ СО РАН

Э. Б. Зульфигарова

24.09.2026